Психология и право
2026. *16*(1), 17–32.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160102
ISSN 2222-5196 (online)

Psychology and Law
2026. *16*(1), 17–32.
https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160102
ISSN 2222-5196 (online)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Социально-психологические особенности поведения взрослых в ситуации киберагрессии

А.Б. Козлова[1], **Т.И. Шульга**[1] ✉, **К.Н. Дворянчикова**[2], **О.Д. Гурина**[2]
[1] Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация
[2] Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉ shulgatatiana@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Недостаточный уровень развития информационной грамотности и позитивной онлайн-культуры у взрослых и молодежи делает их наиболее уязвимыми к опасностям и угрозам деструктивного поведения в Интернете. **Цель.** Изучить социально-психологические особенности поведения взрослых в ситуации киберагрессии. **Гипотеза.** Направленность киберагрессии взрослых в Интернете детерминирована особенностями их поведения. **Методы и материалы.** С помощью авторских опросников Р.И. Зекерьяева «Направленность поведения в интернет-пространстве» и «Изучение влияния установок на выбор ролевых позиций и стратегий поведения», опросника киберагрессии D. Álvarez-García (адаптация А.А. Шарова) получены данные об особенностях поведения, интернет-активности пользователей и опыте их столкновения с агрессией в Сети. В исследовании приняли участие 91 женщина в возрасте от 21 до 48 лет. Средний возраст участников составил 32,37 года. **Результаты.** Данные исследования демонстрируют высокую распространенность агрессивного контента в интернет-пространстве вне зависимости от возраста пользователей. Респонденты 1-й группы (97,78%) были свидетелями агрессивного поведения в Интернете, что сопоставимо с результатами 2-й группы (93,48%). Среди респондентов 1-й группы 55,56% указали, что подвергались агрессивному поведению или оскорблениям в Сети, тогда как у представителей 2-й группы этот показатель составил 36,96%. Примечательно, что 63,04% участников 2-й группы не сталкивались с подобным поведением, что значительно превышает аналогичный показатель 1-й группы (44,44%). **Выводы.** Выявлены различия в проявлениях киберагрессии в сети Интернет в двух группах. Участники 1-й группы чаще демонстрируют импульсивные формы киберагрессии: импульсивно-инициативную и импульсивно-ответную. Участники 2-й группы чаще проявляют произвольно-

© Козлова А.Б., Шульга Т.И., Дворянчикова К.Н., Гурина О.Д., 2026

CC-BY-NC

инициативную и произвольно-ответную киберагрессию. Полученные результаты могут использоваться психологами в консультировании, проведении профилактической работы по снижению киберагрессии, в психологическом просвещении среди взрослого населения, родителей.

Ключевые слова: киберагрессия, социальные условия, импульсивные формы агрессии, конфликтные взаимодействия, враждебность, произвольно-ответная форма

Для цитирования: Козлова, А.Б., Шульга, Т.И., Дворянчикова, К.Н., Гурина, О.Д. (2026). Социально-психологические особенности поведения взрослых в ситуации киберагрессии. *Психология и право, 16*(1), 17—32. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160102

Socio-psychological features of adult behavior on the internet in a situation of cyber aggression

A.B. Kozlova[1], **T.I. Shulga**[1] ✉, **K.D. Dvoryanchikova**[2], **O.D. Gurina**[2]
[1] State University of Education, Moscow, Russian Federation
[2] Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
✉ shulgatatiana@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The insufficient level of development of information literacy and positive online culture among adults and young people makes them the most vulnerable to the dangers and threats of destructive behavior on the Internet. Objective. To explore the socio-psychological characteristics of adult behavior in a cyberaggression situation. **Hypothesis.** The direction of cyberaggression among adults on the Internet is determined by their behavioral patterns. **Methods and materials.** Using R.I. Zekeryaev's author's questionnaires "Direction of Behavior in the Internet Space" and "Studying the Influence of Attitudes on the Choice of Role Positions and Behavioral Strategies," as well as D. Álvarez-García's Cyberaggression Questionnaire (adapted by A.A. Sharov), the study obtained data on internet activity habits and experiences of online aggression. The study involved 91 women aged 21 and older 48. The average age of the participants was 32.37 years. **Results.** The results of the study demonstrate the high prevalence of aggressive content in the online space, regardless of age. The respondents of the first group (97.78%) witnessed aggressive behavior on the Internet, which is comparable to the results of the second group (93.48%). Among the respondents of the first group, 55.56% indicated that they had been subjected to aggressive behavior or insults on the Internet, while this figure was 36.96% among the second group. It is noteworthy that 63.04% of the participants in group 2 did not encounter such behavior, which is significantly higher than the same indicator in group 1 (44.44%). **Conclusions.** The differences in the manifestations of cyber aggression on the Internet in two groups were revealed. Group 1 is more likely to demonstrate impulsive forms of cyber aggression: impulsively proactive and impulsively responsive. Group 2 members

demonstrate a higher prevalence of proactive and reactive cyberaggression. The results offer practical value for psychological counseling, prevention efforts, and educational outreach targeting the adult population and parents.

Keywords: cyber aggression, social conditions, impulsive forms of aggression, conflict interactions, hostility, arbitrary response

For citation: Kozlova, A.B., Shulga, T.I., Dvoryanchikova, K.D., Gurina, O.D. (2026). Socio-psychological features of adult behavior on the internet in a situation of cyber aggression. *Psychology and Law, 16*(1), 17—32. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160102

Введение

Цифровой мир сегодня — существенная часть жизни многих граждан, живущих в разных странах, в том числе и в России. Молодые люди осваивают новые цифровые технологии и воспринимают их уже не только как инструменты для достижения целей, но и как полноценную среду обитания. Поскольку «…Интернет — это пространство не только для новых возможностей, но и для новых рисков, связанных, как правило, с различными формами деструктивного онлайн-поведения, необходимо учитывать высокие темпы освоения цифрового пространства и его особенности» (Антипина, 2021). Авторами отмечается недостаточный уровень развития информационной грамотности и позитивной онлайн-культуры у молодежи, а также возрастно-психологические особенности молодежи и взрослых (Антипина, 2021; Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020; Шаров, 2019), которые делают их наиболее уязвимыми к опасностям и угрозам деструктивного поведения в Интернете (Солдатова, Шляпников, Журина, 2015). По данным исследований, 86% подростков и молодых людей сталкиваются с агрессией в интернет-пространстве (Антипина, 2021; Солдатова, Шляпникова, Журина, 2015; Grigg, 2010). В исследованиях киберагрессии взрослых также отмечается увеличение возраста пользователей от 30 до 67 лет (Черенков, 2015; Grigg, 2010). В современных условиях цифровой социализации недостаточно исследований приоритета использования сети Интернет или его недостатков и негативного воздействия для пользователей.

Одной из проблем виртуального общения стали киберагрессия и кибербуллинг. В отечественной и зарубежной литературе можно встретить разные их определения и соотношение. Одни авторы считают, что кибербуллинг включен в киберагрессию или рассматривают их как независящие друг от друга явления (Антипова, 2021; Бочавер, Хломов, 2014; Солдатова и др., 2019; March et al., 2017; March et al., 2020). Другие авторы считают, что киберагрессию можно определить как поведение, направленное на причинение вреда посредством электронных устройств одному человеку или группе лиц и воспринимаемое как оскорбительное, уничижительное, приносящее ущерб или нежелательное (Блинова, Гурина, 2023; Бочавер, Хломов, 2014; Лажинцева, Бочавер, 2015; Солдатова и др., 2019; Черенков, 2015). В качестве одной из негативных сторон цифровой социализации в современное время отмечают виктимизацию человека, который становится жертвой. Воздействие киберагрессии на пользователей сети Интернет приводит к появлению депрессии, к остракизму, унижению, страху, что негативно сказывается на психическом состоянии подростков, молодежи и старшего поколения. (Jasso, 2006; Johnson, Cooper, Chin, 2009; March et al., 2020). Теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных авторов показал, что

причинами распространения киберагрессии в сети Интернет могут быть мотивы мести, вымещения злости, желания сделать кому-то плохо, запугивание и т. д. (Черенков, 2015).

Агрессия в психологии рассматривается как мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам совместного существования людей в социуме, приносящее вред, физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (Блинова, Гурина, 2023, Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). Однако в случае с онлайн-агрессией некоторые из обозначенных в определении особенностей утрачиваются или приобретают иные формы. Онлайн-агрессия, опосредствованная электронными устройствами и виртуальным пространством, может не оказывать на личность непосредственного физического воздействия. Место физического ущерба здесь могут занять «цифровые повреждения», которые незаметны для окружающих, но способны оказывать продолжительное негативное воздействие на психологическое состояние жертвы (цит. по: Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020; Kowalski et al., 2014).

В качестве наиболее распространенного определения киберагрессии авторами используется понятие, сформулированное D.W. Grigg: «…киберагрессия — это нанесение посредством использования цифровых устройств намеренного вреда одному человеку или группе людей, который воспринимается как оскорбительный, уничижительный, наносящий ущерб или нежеланный» (Grigg, 2010).

Авторы рассматривают киберагрессию как умышленное совершение действий оскорбительного, унижающего или нежелательного характера (угрозы, преследование, домогательство, разглашение конфиденциальной информации) по отношению к лицу или группе, осуществляемое с помощью информационно-коммуникативных средств (Шаров, 2019). Следующее определение иностранных исследователей (Grigg, 2010) является схожим, но является более полным в контексте уточнения так называемых средств передачи виртуально выраженной агрессии в отношении жертвы. Киберагрессия — это действия, направленные на причинение вреда лицу или группе, выполняемые с помощью профессионального компьютера, мобильного телефона и других электронно-коммуникативных устройств, посредством электронной почты, социальной сети, мгновенных сообщений, блогов, игр (Солдатова и др., 2019; Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). По результатам исследования Г.У. Солдатовой, лишь один из семи подростков не встречался в Сети с агрессией. Каждый второй подросток сталкивался с тремя и более видами онлайн-агрессии (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020; Солдатова, Шляпникова, Журина, 2015). По мнению ряда исследователей, современное интернет-пространство становится важной площадкой для межличностных взаимодействий, включая такие проявления, как киберагрессия.

В исследованиях отечественных и зарубежных авторов существуют два полярных мнения относительно последствий кибербуллинга среди подростков и молодежи. Одни специалисты определяют последствия онлайн-травли как более серьезные в сравнении с обычным буллингом В исследованиях Фонда развития Интернет (Солдатова, Шляпникова, Журина, 2015) и ряде других исследований выявляется их меньшая интенсивность (Kowalski et al., 2014). Очевидно, что явление буллинга более характерно для детского и подросткового периода. Однако важно определить краткосрочные и долгосрочные последствия киберагрессивного воздействия на взрослых.

В подростковой среде в ситуациях кибербуллинга важен ролевой репертуар. Существуют исследования, посвященные роли агрессора и свидетелей, отдельные исследования посвящены роли защитников (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020; March et al, 2020). Можно отметить, что исследования носят перекрестный характер или сосредоточены на краткосрочных последствиях, а исследований долгосрочных последствий недостаточно. Также важно определить ролевые позиции в ситуации кибербуллинга и киберагрессии среди взрослых.

Выявлено, что взрослые, активно участвующие в цифровых коммуникациях, оказываются в различных ролевых позициях, которые могут способствовать как эскалации конфликта, так и его разрешению. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных киберагрессии, социально-психологические аспекты ролевого поведения взрослых в этих ситуациях остаются недостаточно изученными.

Ряд зарубежных исследований предложили рассматривать киберагрессииию через возможность изменяться в зависимости от мотивов, побуждающих к агрессии в интернет-пространстве. Авторы предложили рассматривать киберагрессию как поведение с позиции реактивной и проактивной агрессии. Реактивная агрессия понимается как импульсивная агрессивная реакция в контексте возмездия за какое-то (мнимое или реальное) оскорбление или нападение. В отличие от мести, реактивная агрессия проявляется как необдуманные формы поведения. Проактивная агрессия понимается как неспровоцированные акты агрессии, совершаемые обдуманно (Raskauskas, Stoltz, 2007).

На основе данной теории в 2013 г. была предложена четырехсторонняя модель киберагрессии, основанная на двух ортогональных измерениях — мотивационных целях (инициативных и ответных) и регулятивном контроле (импульсивном и произвольном). (Runions, 2013). Импульсивные действия возникают в контексте подсознательной когнитивной оценки сигнала окружающей среды, вызывающего сильную аффективную реакцию и сильную тенденцию к действию или побуждение к действию. В ситуации импульсивного поведения человек действует без оглядки на последствия, особенно в долгосрочной перспективе.

Такое поведение необходимо для немедленной эмоциональной отдачи. В отличие от этого, обдуманные акты киберагрессии совершаются путем привлечения способностей к самоконтролю для достижения определенной цели. Второе измерение в четырехсторонней модели отражает природу этой эмоциональной отдачи. Инициативные мотивы направлены на получение положительного эмоционального состояния для агрессора. Ответные мотивы направлены на снятие негативных эмоциональных состояний.

Постулируя два ортогональных измерения (инициативное и ответное; импульсивное и произвольное), эта модель мотива и самоконтроля производит четыре различных квадранта (Runions, 2013). Импульсивно-ответный квадрант отражает действия, совершаемые в ответ на воспринимаемую провокацию. Произвольно-ответная киберагрессия также возникает как средство избавления от негативных эмоций в ответ на предполагаемую провокацию. Но здесь проявляются способности к самоконтролю, и агрессия, скорее всего, примет форму рассчитанной расплаты или мести. Это отличает ее от произвольно-инициативной агрессии, где самоконтроль осуществляется, но в интересах создания положительного аффекта посредством обдуманных усилий. Акцент — на силовом контроле в погоне за некоторой

экологической наградой, такой как достижение социального статуса посредством запугивания.

Импульсивно-инициативный квадрант отражает спонтанно продуцируемое поведение, осуществляемое без учета долгосрочных последствий, он возникает из непосредственного положительного аффекта, порожденного агрессивным актом. Получение положительных эмоций здесь и сейчас — развлечение, шутка — считаются нормальным поведением.

В настоящее время относительно небольшое количество исследований посвящено изучению мотивов киберагрессии в более широком смысле. Raskauskas, Stoltz (2007) в своих работах выявили мотивы мести и развлечения.

По данным зарубежных исследований, среди ключевых мотивов поведения были выделены стремление к власти и статусу, поиск развлечений или избавление от скуки, а также использование киберагрессии в качестве безопасного средства возмездия. Основными мотивами киберагрессии у подростков выступили власть и развлечения, освобождение от накопившегося негатива, возможность слива негативных переживаний и эмоций, зачастую за счет переадресации этих эмоций другим, более слабым и уязвимым. Подростки часто выбирают желание отомстить и причинить вред другому, т. е. намеренную агрессию, поддержать свою репутацию и добиться определенной цели или выгоды, желание поэкспериментировать и посмотреть на реакцию других людей (Черенков, 2015).

Материалы и методы

Исследование проводилось в ситуации киберагрессии взрослых при выборе стратегий ролевого поведения. С помощью авторских опросников Р.И. Зекерьяева «Направленность поведения в интернет-среде» и «Влияние установок на выбор ролевых позиций и стратегий поведения. С помощью опросника киберагрессии D. Álvarez-García (адаптация А.А. Шарова, 2019) получены данные об особенностях поведения, интернет-активности респондентов и их опыте столкновения с агрессией в Сети. Использовалась авторская анкета изучения демографической ситуации. Исследование проводилось в гугл-форме, офлайн, все участники добровольно принимали участие.

В исследовании приняла участие 91 женщина в возрасте от 21 до 48 лет. Средний возраст участников составил — 32,37 года. Для анализа выборка была разделена на две группы. В первую группу вошли участницы в возрасте 21—30 лет, средний возраст которых составил 26,5 лет (55% от всей выборки, 45 человек). Во вторую группу вошли участницы в возрасте 31 года и старше, средний возраст составил 38,9 лет (49,45%, 46 человек). Разделение на две группы было обосновано опытом пользования цифровыми навыками. Первая группа женщин — это те, опыт которых изначально развивался в цифровой среде. Вторая группа осваивала цифровую среду позднее, что предполагает иное овладение цифровыми навыками. Условно они обозначены как младшая и старшая по возрасту группы, но в дальнейшем мы их рассматриваем как первую и вторую группы. Данное разделение позволяло учесть различия в ролевом поведении женщин двух групп и особенностях их поведения и интернет-активности, а также применение киберагрессии в сети Интернет.

На первом этапе исследования участникам была предложена авторская анкета, которая включала в себя вопросы о демографических характеристиках, времени, цели и привычках при использовании Интернета, опыте агрессивного взаимодействия в Сети. Результаты анкетирования, представленные в табл. 1, позволяют определить индивидуальные различия в

поведении участников, а также степень их вовлеченности в ситуации киберагрессии. Таблица содержит сводные результаты анализа данных анкетирования, проводимого среди двух групп респондентов: первой группы (45 человек) и второй группы (46 человек).

Таблица 1 /Table 1

Результаты использования Интернета женщинами двух групп
Internet use patterns among women in two groups

Вопрос / Question	Варианты ответа / Answer options	Группа 1 (n = 45) / Group 1 (n = 45)		Группа 2 (n = 46) / Group 2 (n = 46)	
		Кол-во / Number	%	Кол-во / Number	%
Подвергались ли Вы агрессивному поведению или оскорблениям в сети? / Have you been subjected to aggressive behavior or insults online?	Да / Yes	25,0	55,56	17,0	36,96
	Нет / No	20,0	44,44	29,0	63,04
Сколько в среднем часов в день Вы проводите в Интернете? / How many hours per day do you spend online on average?	0—2 часа / (0—2 hours)	1,0	2,22	8,0	17,39
	3—5 часов / (3—5 hours)	24,0	53,33	28,0	60,87
	6—8 часов / (6—8 hours)	20,0	44,44	7,0	15,22
	9 и более часов / (9 or more hours)	0,0	0,0	3,0	6,52
Для каких целей Вы чаще всего используете Интернет? / What is the most common purpose for which you use the Internet	Учеба/работа / Study/work	11,0	24,44	25,0	54,35
	Общение/социальные сети / Communication / Social networking	21,0	46,67	8,0	17,39
	Поиск информации / Information search	7,0	15,56	12,0	26,09
	Развлечение/отдых / Entertainment/leisure	6,0	13,33	1,0	2,17
Были ли Вы свидетелем агрессивного поведения в Интернете? / Have you witnessed aggressive behavior online?	Да / Yes	44,0	97,78	43,0	93,48
	Нет / No	1,0	2,22	3,0	6,52
Ваше семейное положение / Your marital status	Замужем/Женат/В отношениях / Married/In a relationship	31,0	68,89	36,0	78,26
	Свободна/Свободен/В разводе / Single/Divorced	14,0	31,11	10,0	21,74

С кем Вы проживаете? / Who do you live with?	Один/одна / Alone	5,0	11,11	7,0	15,22
	С супругом(ой), партнером / With spouse or partner	26,0	57,78	36,0	78,26
	С ребенком (детьми) / With child(ren)	2,0	4,44	3,0	6,52
	С родителями / With parents	12,0	26,67	0,0	0,0

Результаты показывают, что обе группы женщин подвергались агрессии или оскорблениям в сети Интернет, т. е. испытывали киберагрессию. Женщины первой группы чаще подвергались киберагрессии, по сравнению со второй группой. Выявлено, что при этом 97,7% женщин первой группы и 93,48% второй группы были свидетелями проявления агрессии в сети Интернет. Обе группы проводят более 5 часов в сети Интернет, при этом вторая группа больше. Целью использования интернета для первой группы являются общение и развлечения, для второй группы — учеба, работа и поиск информации.

Результаты

Изучение направленности поведения в интернет-пространстве, включая склонность к конструктивным стратегиям взаимодействия, девиантному и асоциальному поведению, проводилось с использованием авторского исследовательского опросника Р.И. Зекерьяева «Направленность поведения в интернет-пространстве». Данный инструмент позволил выявить ключевые аспекты поведения участников в цифровой среде, учитывая их возрастные особенности. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Склонность поведения в интернет-пространстве двух групп
Behavioral orientation in the online environment: results for group 2

Показатели / Indicators	Группа 1 / Group 1		Группа 2 / Group 2	
	Среднее / Mean	Стд. откл. / Std. dev.	Среднее / Mean	Стд.откл. / Std. dev.
Склонность к кибербуллингу / Tendency toward cyberbullying	1,466	0,287	0,195	1,333
Склонность к троллингу / Tendency toward trolling	2,822	1,047	0,57	3,335
Склонность к спамерству / Tendency toward spamming	1,377	0,655	0,28	1,514
Склонность к использованию нецензурированного контента / Uncensored content	5,622	2,461	3,89	2,902
Асоциальное поведение в интернет-пространстве / Asocial behavior in the online environment	11,222	3,451	4,85	7,229

Результаты, представленные в таблице, показывают склонность в двух группах к разным видам киберагрессии. Наибольшая склонность киберагрессии выявлена к асоциальному поведению в интернет-пространстве, к кибербулингу и спамерству (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Различия направленности поведения кибербуллинга в интернет-пространстве
Differences in behavioral orientation toward cyberbullying in the online environment

Показатели / Indicators	U Манна—Уитни / U Mann—Whitney	W Уилкоксона / W Wilcoxon	Z	Асимпт. знч. (двухсторонняя) / Asymp. Sig. (2-tailed)
Склонность к кибербуллингу / Tendency toward cyberbullying	718,000	1842,000	–2,245	0,025
Склонность к троллингу / Tendency toward trolling	731,500	1876,500	–2,350	0,019
Склонность к спамерству / Tendency toward spamming	793.500	2035,500	–1,870	0,061
Склонность к использованию нецензурированного контента / Uncensored content	682,000	1749,000	–2,750	0,006
Асоциальное поведение в интернет-пространстве / Asocial behavior in the online environment	677,500	1737,500	–2,900	0,004

Результаты исследования показали, что первая группа (M = 1,466, ст. откл. = 2,281) демонстрирует более выраженную склонность к проявлению кибербуллинга по сравнению со второй группой (M = 0,195, ст. откл. = 0,287). Эти различия являются статистически значимыми (U = 718, p = 0,025) по четырем проявлениям видов киберагрессии. Полученные данные позволяют предположить, что высокая склонность первой группы к агрессивному поведению в цифровой среде может быть связана с их эмоциональной импульсивностью и относительно низким уровнем социальной зрелости.

Показатели склонности к троллингу также оказались выше среди участников первой группы (M = 2,822, ст. откл. = 3,900), чем среди представителей второй группы (M = 0,570, ст. откл. = 1,047). Различия в этом аспекте статистически значимы (U = 731,5, p = 0,019), что может свидетельствовать о большей предрасположенности участников первой группы к намеренному созданию провокационных ситуаций и конфликтов в Интернете.

Склонность к спамерству, включающая частое и нерелевантное распространение материалов, также оказалась более выраженной у первой группы (M = 1,377, ст. откл. = 2,378) в сравнении со второй (M = 0,280, ст. откл. = 0,655). Хотя различия в данном показателе находятся на уровне тенденции к статистической значимости (U = 793,5, p = 0,061), это может указывать на экспериментальную природу поведения и интернет-активности

участников первой группы и недостаточную осведомленность о потенциальных последствиях такого поведения.

Использование нецензурированного контента, включая пиратские программы, фильмы и музыку, является еще одним аспектом, в котором первая группа демонстрирует более высокие показатели (M = 5,622, ст. откл. = 3,219) по сравнению со второй группой (M = 3,890, ст. откл. = 2,461). Различия статистически значимы (p = 0,006), что может свидетельствовать о недостаточном внимании участников первой группы к правовым нормам и их склонности к рисковым действиям в интернет-пространстве.

Показатели асоциального поведения в Интернете также оказались значительно выше у первой группы (M = 11,222, ст. откл. = 10,308) в сравнении со второй группой (M = 4,850, ст. откл. = 3,451). Статистически значимые различия (p = 0,004) указывают на то, что участники первой группы чаще нарушают нормы общения, проявляют грубость и участвуют в конфликтных ситуациях в цифровой среде (рис.).

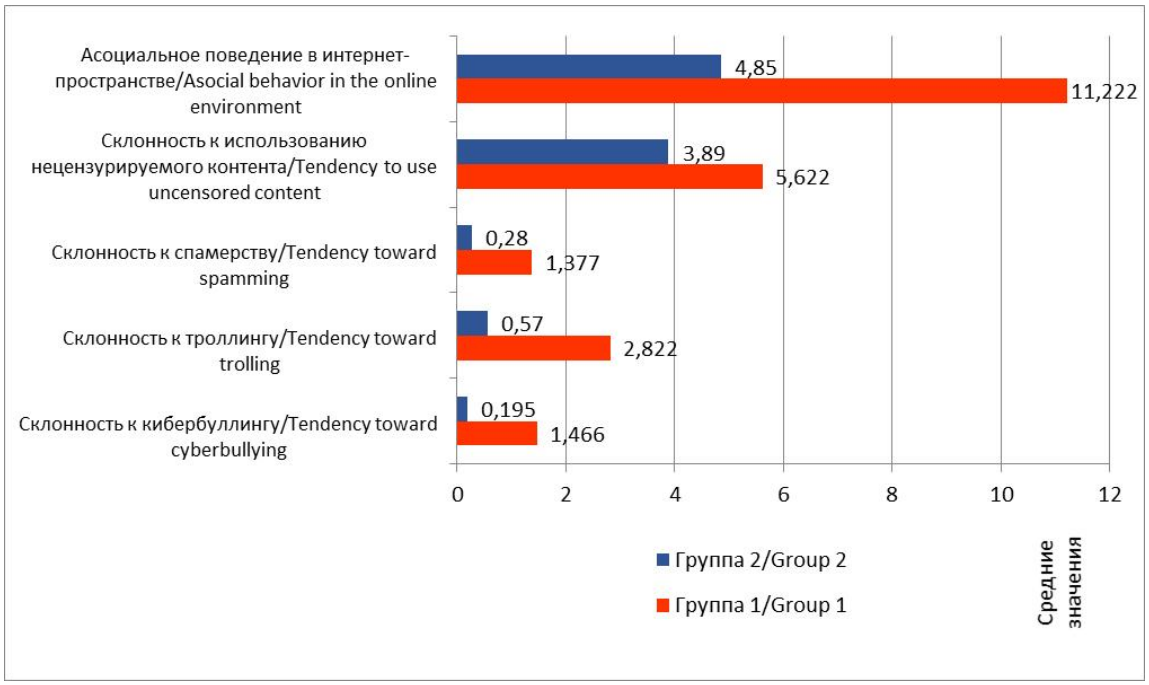

Рис. 1. Показатели направленности поведения в интернет-пространстве по группам

Fig. 1. Indicators of Behavioral Orientation in the Online Environment by Group

Для изучения особенностей киберагрессии в интернет-пространстве использовалась адаптированная методика опросника киберагрессии (D. Álvarez-García, адаптация А.А. Шарова, 2019). Данный инструмент позволяет измерить уровни различных форм киберагрессивного поведения, включая имперсонацию, секстинг, вербально-визуальную агрессию и интегративный показатель киберагрессии. Результаты представлены в табл. 4, 5.

Таблица 4 / Table 4

Достоверные различия показателей киберагрессии
Statistically significant differences in cyberaggression indicators

Показатели / Indicators	U Манна—Уитни / U Mann—Whitney	W Уилкоксона / W Wilcoxon	Z	Асимпт. знч. (двухсторонняя) / Asymp. Sig. (2-tailed)
Имперсонация (max 12) / Impersonation (max = 12)	653,000	1734,000	–4,189	0,000
Секстинг (max 20) / Sexual harassment (max = 20)	695,000	1776,000	–3,600	0,000
Вербально-визуальная агрессия (max 44) / Verbal-visual aggression (max = 44)	504,000	1585,000	–4,333	0,000
Интегративная шкала киберагрессии (max 76) / Integrated cyberaggression scale (max = 76)	529,500	1610,500	–4,109	0,000

Таблица 5 / Table 5

Различия поведения взрослых в Интернете
Differences in online behavior among adults

Кол-во чел. / Number of participants	Группа / Group					
	Группа 1 / Group 1		Группа 2 / Group 2		Итого / Total	
	Среднее / Mean	Стд. откл. / Std. dev.	Среднее / Mean	Стд. откл. / Std. dev.	Среднее / Mean	Стд. откл. / Std. dev.
Имперсонация (max 12) / Impersonation (max = 12)	3,82	1,134	3,04	,206	3,43	0,896
Секстинг (max 20) / Sexual harassment (max = 20)	6,00	1,348	5,15	0,556	5,57	1,107
Вербально-визуальная агрессия (max = 44) / Verbal-visual aggression (max = 44)	15,71	5,350	12,07	1,497	13,87	4,298
Интегративная шкала киберагрессии (max = 76) / Integrated cyberaggression scale (max = 76)	25,53	7,415	20,26	1,744	22,87	5,952

Полученные результаты показали различия между группами. В первой группе отмечались более высокие значения по всем показателям, что свидетельствует о большей предрасположенности к киберагрессивному поведению. Так, по имперсонации средний балл первой группы составил 3,82 (ст. откл. = 1,134), что значительно превышает показатели второй группы (M = 3,04, ст. откл. = 0,206). Различия оказались статистически значимыми ($p < 0,001$).

По шкале секстинга первая группа также продемонстрировала более высокие значения (M = 6,00, ст. откл. = 1,348) по сравнению со второй (M = 5,15, ст. откл. = 0,556). Статистически значимые различия ($p < 0,001$) указывают на большую вовлеченность участников первой группы в рисковое поведение сексуального характера в интернете.

Вербально-визуальная агрессия, как наиболее выраженная форма киберагрессии, выше в первой группе (M = 15,71, ст. откл. = 5,350) в сравнении со второй (M = 12,07, ст. откл. = 1,497). Различия имеют высокий уровень статистической значимости ($p < 0,001$).

По интегративному показателю киберагрессии первая группа показала средний балл 25,53 (ст. откл. = 7,415), что превышает показатели второй группы (M = 20,26, ст. откл. = 4,744). Данные различия подтверждают более выраженную склонность к киберагрессии в первой группе.

Заключение

Полученные результаты подчеркивают различия между двумя группами в направленности поведения киберагрессии в интернет-пространстве. Первая группа демонстрирует большую склонность к девиантным и экспериментальным формам поведения, таким как троллинг и использование нецензурированного контента. Это может быть обусловлено их фокусом на развлекательных аспектах Интернета и недостаточным осознанием собственных действий, а также их последствий. В отличие от них, вторая группа проявляет более зрелый и конструктивный подход, что связано с профессиональными и личными приоритетами, а также большей социальной ответственностью ($p < 0,001$).

Результаты позволили получить детализированное представление о различных формах поведения при киберагрессии, их выраженности и двух группах. Первая группа демонстрирует большую склонность к экспериментальным и агрессивным формам поведения в цифровой среде, включая создание фальшивых профилей, распространение сексуализированного контента и использование оскорблений. Вторая группа, напротив, показывает более низкие значения по всем показателям киберагрессии, что может быть связано с их социальной зрелостью и более осознанным подходом к интернет-активности.

Перспективными линиями исследования данной проблемы можно считать изучение мотивации взрослых к киберагрессии и роли киберагрессоров, киберзапугивателей, а также ролевых позиций взрослых в киберагрессии в разных ситуациях общения и взаимодействия в Интернете.

Список источников / References

1. Антипина, С.С. (2021). Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики. *Вестник Кемеровского государственного университета, 23*(1), 113—122. https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122
   Antipina, S.S. (2021). Cyber-aggression typology questionnaire: structure and primary psychometric characteristics. *Bulletin of Kemerovo State University, 23*(1), 113—122. (In Russ.). https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-113-122
2. Блинова, Д.Н., Гурина, О.Д. (2023). Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике. *Психология и право, 13*(3), 150—160. https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130311

Blinova D.N., Gurina O.D. Cyberaggression and Cyberbullying in Forensic Practice. *Psychology and Law, 13*(3), 150—160. (In Russ.) https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130311

3. Бочавер, А.А., Хломов, К.Д. (2014). Кибербуллинг: Травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики, 11*(3), 177—191. URL: https://elibrary.ru/twhxxf (дата обращения: 26.04.2025).
   Bochaver, A.A., Khlomov, K.D. (2014). Cyberbullying: Harassment in the Space of Modern Technologies. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 11*(3), 177—191. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/twhxxf (viewed: 26.04.2025).
4. Лажинцева, Е.М., Бочавер, А.А. (2015). Интернет как новая среда для девиантного поведения подростка. *Вопросы психологии*, 4, 49—58. URL: https://elibrary.ru/vodcld (дата обращения: 26.04.2025).
   Lazhintseva, E.M., Bochaver, A.A. (2015). The Internet as a New Environment for Deviant Behavior in Adolescents. *Voprosy Psikhologii*, 4, 49—58. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/vodcld (viewed: 26.04.2025).
5. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. (2020). Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи. *Национальный психологический журнал*, 2(38), 3—20. https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201
   Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Chigarkova, S.V. (2020). Types of cyberaggression: adolescents and youth experience. *National Psychological Journal*, 2(38), 3—20. (In Russ.) https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201
6. Солдатова, Г.У., Чигарькова, С. В., Дренёва, А.А., Илюхина, С.Н. (2019). *Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете*. М.: Когито-Центр. URL: https://elibrary.ru/uvdmvo (дата обращения: 26.04.2025).
   Soldatova, G.U., Chigarkova, S.V., Dreneva, A.A., Ilyukhina, S.N. (2019). *We are Responsible for the Digital World: Prevention of Destructive Behavior of Adolescents and Young People on the Internet*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/uvdmvo (viewed: 26.04.2025).
7. Солдатова, Г.У., Шляпников, В.Н., Журина, М.А. (2015). Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн». *Консультативная психология и психотерапия*,.*23*(3), 50—66. https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304
   Soldatova, G.U., Shlyapnikov, V.N., Zhurina, M.A. (2015). The evolution of online-risks: the results of helpline "KIDS ONLINE" five years work. *Counseling Psychology and Psychotherapy, 23*(3), 50—66. (In Russ.). https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304
8. Черенков, Д.А. (2015). Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие. *NAUKA-RASTUDENT.RU,* 7(19), Статья 29. URL: https://elibrary.ru/ubjpil (дата обращения: 26.04.2025).
   Cherenkov D.A. (2015). Deviant behavior in social networks: causes, forms, investigation. *NAUKA-RASTUDENT.RU,* 7(19), Article 29. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/ubjpil (viewed: 26.04.2025).
9. Шаров, А.А. (2019). Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета,* 3(51), 255—261. URL: https://elibrary.ru/zdwkmf (дата обращения: 25.04.2025).

Sharov, A.A. (2019). Specifics of deviant activity of youth in the Internet environment. *Scientific Notes (Kursk State University)*, 3(51), 255—261. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/zdwkmf (viewed: 25.04.2025).

10. Álvarez-García, D., Barreiro-Collazo, A., Núñez, J.C., Dobarro, A. (2016). Validity and reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA). *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, *8*(2), 69—77. https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003
11. Grigg, D.W. (2010). Cyber-aggression: definition and concept of cyberbullying. *Australian Journal of Guidance and Counselling, 20*(2), 143—156. https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.143
12. Hawdon, J., Oksanen, A., Räsänen, P. (2017). Exposure to online hate in four nations: A cross-national consideration. *Deviant Behavior, 38*(3), 254—266. https://doi.org/10.1080/01639625.2016.1196985
13. Heirman, W., Walrave, M. (2008). Assessing concerns and issues about the mediation of technology in cyberbullying. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace, 2*(2), Article 1. URL: https://cyberpsychology.eu/article/view/4214/3256 (viewed: 04.08.2020).
14. Jasso, G. (2006). Factorial Survey Methods for Studying Beliefs and Judgments. *Sociological Methods & Research, 34*(3), 334—423. https://doi.org/10.1177/0049124105283121
15. Johnson, N.A., Cooper, R.B., Chin, W.W. (2009). Anger and flaming in computer-mediated negotiation among strangers. *Decision Support Systems, 46*(3), 660—672. https://doi.org/10.1016/j.dss.2008.10.008
16. Kowalski, R.M., Giumetti, G.W., Schroeder, A.N., Lattanner, M.R. (2014). Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin, 140*(4), 1073—1137. https://doi.org/10.1037/a0035618
17. March, E., Grieve, R., Marrington, J., Jonason, P.K. (2017). Trolling on Tinder® (and other dating apps): Examining the role of the dark tetrad and impulsivity. *Personality and Individual Differences, 110*, 139—143. https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.01.025
18. March, E., Litten, V., Sullivan, D.H., Ward, L. (2020). Somebody that I (used to) know: Gender and dimensions of dark personality traits as predictors of intimate partner cyberstalking. *Personality and Individual Differences, 163*, Article 110084. https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110084
19. Raskauskas, J., Stoltz, A.D. (2007). Involvement in traditional and electronic bullying among adolescents. *Developmental Psychology, 43*(3), 564—575. https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.3.564
20. Runions, K.C. (2013). Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, and recreation. *Journal of Youth and Adolescence, 42*(5), 751—771. https://doi.org/10.1007/s10964-013-9936-2

Информация об авторах

Алина Борисовна Козлова, аспирантка кафедры социальной и педагогической психологии, факультет психологии, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-4164-2701, e-mail: lina-lazurnaya@mail.ru

Татьяна Ивановна Шульга, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной и педагогической психологии, факультет психологии, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3584-6087, e-mail: shulgatatiana@gmail.com

Оксана Дмитриевна Гурина, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4369-5450, e-mail: godgur@yandex.ru

Ксения Николаевна Дворянчикова, студентка кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-9765-1957, e-mail: dvorianick@gmail.com

Information about the authors

Alina B. Kozlova, Graduate of the Department of Social and Educational Psychology, Faculty of Psychology, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-4164-2701, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Tatiana I. Shulga, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Social and Educational Psychology, Faculty of Psychology, State University of Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3584-6087, e-mail: shulgatatiana@gmail.com

Oksana D. Gurina, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4369-5450, email: godgur@yandex.ru

Ksenia N. Dvoryanchikova, Student of the Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0009-0004-9765-1957, e-mail: dvorianick@gmail.com

Вклад авторов

Козлова А.Б. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Шульга Т.И. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Гурина О.Д. — обработка данных, описание результатов и их интерпретация, оформление рукописи.

Дворянчикова К.Н. — описание результатов, корректировка и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Alina B. Kozlova — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Tatiana I. Shulga — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Oksana D. Gurina — data processing, description and interpretation of results; manuscript preparation.

Ksenia N. Dvoryanchikova — reporting of results, editing, and manuscript styling.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 26.05.2025
Поступила после рецензирования 02.07.2025
Принята к публикации 30.07.2025
Опубликована 30.03.2026

Received 2025.05.26
Revised 2025.07.02
Accepted 2025.07.30
Published 2026.03.30